

УДК 340.131.6

**СТАНОВЛЕНИЕ ОБЩЕПРАВОВОЙ ТЕОРИИ
МАРГИНАЛЬНОСТИ В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ НАУКЕ**

**FORMATION OF A GENERAL LEGAL THEORY OF
MARGINALITY IN NATIONAL SCIENCE**

СТЕПАНЕНКО Р.Ф., канд. юрид. наук, доцент Университета
управления «ТИСБИ»

Тел.: 8(905)317-02-16

ГЕОРГИАДИ-АВДИЕНКО Р.И., ассистент кафедры теории и
истории государства и права Университета управления «ТИСБИ»

STEPANENKO R.F., PhD in Law, docent, the University of Management
«TISBI»

Тел.: 8(905)317-02-16

GEORGIADI-AVDIENKO R.I., teaching assistant, the Chair of Theory
and History of Law, the University of Management «TISBI»

Аннотация

В статье рассматриваются этапы становления общеправовой теории маргинальности в отечественной социогуманитаристике. Приводятся мнения российских исследователей феномена маргинальности, отмечается возросший интерес к изучению данного явления и его негативных последствий.

Abstract

In the article development stages of general legal theory of marginality in Russian sociohumaniteristics are analyzed. Points of view of Russian researchers on the phenomenon of marginality are given; a growing interest in the study of this phenomenon and its negative consequences is reported.

Ключевые слова: феномен маргинальности, деструктивизм, отчуждение, беспризорность, безнадзорность.

Key words: the phenomenon of marginality, destructivity, aloofness, homelessness, neglect.

Рассматривая периодизацию российских исследований в сфере общей теории маргинальности, начавшихся во второй половине прошлого столетия, можно отметить 3 этапа развития отечественной маргиналистики: 1) период начала изучения данного феномена – до 90-х гг. XX в. (на «взлете» перестройки); 2) после «революционной ситуации» 1991 г. до конца 90-х гг.;

3) с конца 90-х гг. (после некоторой стабилизации процессов трансформации) и до настоящего времени.

Для первого этапа советских исследований концепций маргинальности характерен в большей степени политизированный подход, в рамках которого изучаемый российскими учеными феномен рассматривался как объективный итог функционирования капиталистического общества в соотношении с факторами, обуславливающими неизбежность процессов маргинализации. Авторы относили к таким факторам: структурную перестройку системы производства в постиндустриальных обществах; масштабные преобразования социальной сферы; последствия научно-технической революции и др. Особенности этих процессов (на примере США и Европы. – Р.С.) советские ученые связывали с кризисом занятости, потерей социальных позиций и статуса, престижа и, в этой связи, падением уровня жизни граждан, не допущенных к распределительной системе зарубежных государств.

Активизация интереса к изучению проблем маргинальности в России отмечена с 70-х гг. прошлого столетия. Так, ученые Института востоковедения Российской Академии наук исследуют процессы маргинализации в так называемых странах «третьего мира» и связывают их в первую очередь с бедственным экономическим положением граждан в этих государствах.

В комплекс причинности, обуславливающий маргинальное поведение социально-неблагополучных групп населения рассматриваемых государств, входят этнорелигиозные, этногеографические и социально-культурные различия, лежащие в основе отчуждения данных страт от экономически-благополучных общностей. В результате формирования и развития маргинализационных процессов, по мнению авторов, у индивидов, оказавшихся в маргинальном положении, вырабатывается особая система ценностей, для которой присущи: враждебность к существующим общественным институтам, крайние формы социального нетерпения, отрицание любых форм организованности, крайний индивидуализм и т.д. [1].

Аналогичная позиция, но уже применительно к советской действительности, излагается в работе М.В. Темкина «Линейные руководители в традиционной системе управления (к вопросу о статусной маргинальности)» (Харьков, 1988 г.), где маргинальность рассматривается в контексте разнопорядкового статусного положения управленческих кадров среднего и высшего звена на производстве. Противоположные интересы и положение одних – высшего звена – создают предпосылки для формирования маргинального статуса других – низшего и среднего звена [2].

Комплексные исследования маргинальности, проводимые А.И. Атояном, Е.Н. Стариковым, И.П. Поповой, М.А. Червинской, П.П. Червинским, Б.Н. Шапталовым, И.И. Кравченко, А.А. Галкиным и другими российскими учеными, обнаружили и выявили характерные исторические закономерности возникновения маргинальности в России, а также рассматривали особенности и специфику функционирования маргинальных групп в социальной структуре российского государства того периода.

По мнению ученых, предпосылками возникновения процессов маргинализации в России послужили Первая мировая и последовавшая за ней гражданская войны. В начале XX века социальная структура советского общества представляла собой «пеструю мозаику» различных классов и групп, «взрыхленную» мировой и гражданской войнами, «белым» и «красным» террором, разрухой, увеличившими массу людей, «выбитых из колеи», с утраченными, в значительной мере, социальными связями и «потрясенными до основания» моральными устоями.

Исследующий комплексно проблемы маргинальности российский философ Е.А. Стариков отмечал, что проводимая в то время в России новая экономическая политика способствовала положению «неопределенности» и «отчужденности» многих собственников. Процессы индустриализации и коллективизации повлекли за собой очередной виток в расшатывании устоев жизни как городской, так и сельской части населения, вызвали массовое обнищание народа, вследствие чего многие покидали привычное место жительства и уезжали в город для работы на фабриках и заводах. Основная масса мигрировавших из села в город состояла, прежде всего, из беднейшей и малообразованной крестьянской молодежи. Многие из крестьян-мигрантов при этом сохраняли земельные участки в деревне, «и каждый седьмой рабочий из сельской местности не умел читать и писать».

В результате потрясений гражданской войны и сопутствующей ей хозяйственной разрухи была сформирована качественно новая общность – пролетариат, ослабленная и, до известной степени, деклассированная разрушением его жизненной основы – машиностроительной отрасли. Уже к началу первой пятилетки общая численность рабочего класса увеличилась в 12 раз. Пополнение его такими масштабными темпами за счет вчерашней сельской молодежи не способствовало скорейшему приобретению ею специфической пролетарской классовой психологии. А с другой стороны – мелкобуржуазный характер сельского жителя того времени не позволял вчерашним крестьянам в течение длительного времени адаптироваться в уже сложившейся социальной структуре такой общности, как рабочий класс.

Сама по себе миграция сельских жителей в города, рассматриваемая абстрактно, представляется достаточно позитивным явлением. «Однако форма, в которой протекали эти процессы в нашей стране, имела явно деформированный характер: массовое перемещение сельских жителей не сопровождалась соответствующим развертыванием социальной инфраструктуры, что надолго блокировало их вхождение в городскую культуру ... и создавало типично маргинальную – «барачную» субкультуру. ...В этом ... коренится одна из причин социальной неопределенности, «рыхлости» населения, постоянный источник маргинализации», – указывал Е.Н. Стариков.

Еще одним фактором маргинализации автор называет «практиковавшееся сталинским режимом разрушение гражданского общества». Отсутствие последнего создавало возможность для проведения этим режимом «самых фантастических, диких социальных и политических

экспериментов над населением». К числу этих «экспериментов» автор относит истребление наиболее активных и талантливых представителей творческих, научных, военных и иных профессий. «Огромные усилия прилагались государственным аппаратом для того, чтобы разрушить зарождающиеся самоуправляемые и самодеятельные организации – классовые, профессиональные, творческие, территориально-поселенческие и т.д., составляющие ткань гражданского общества» [3].

В контексте социально-политических событий российской истории рассматривают причины возникновения маргинальности на территории нашего государства и другие исследователи. Так, Б.Н. Шапталов, изучая маргинальность в связи с последствиями революции 1917 г., к числу факторов, детерминирующих маргинализационные процессы в России того периода, относит также механизмы правления «маргинально-люмпенского блока» во главе со Сталиным, включающего в себя «маргинальную бюрократию» и новую «маргинальную интеллигенцию». Маргинальность того времени в целом, по мнению автора, является «идеологией плебса», для которой характерны «конгломерат патриархально-общинных ценностей, государственный патернализм и антииндивидуализм» [4].

Последующие несколько десятилетий, именуемые многими исследователями как «казарменный социализм», где партийно-государственным аппаратом блокировались процессы естественного классовообразования, а «живому, растущему и развивающемуся обществу было противопоставлено общество-«машина», что привело к поглощению государством общества, узурпации основного классовообразующего признака и исчезновению экономических классов в подлинном значении этого слова». В то же время дифференциация структуры советского общества, безусловно, существовала и была представлена в виде двух больших функциональных частей: 1) «рядовые производители, создающие прибавочный продукт» и 2) «распределители, изымающие и включающие этот прибавочный продукт в редиистрибутивную сеть» [5]. С точки зрения социальных исследований в положении достаточно «размытой» прослойки находилась интеллигенция, являясь в значительной степени мобильным элементом социальной структуры, который изменялся в зависимости от отношения к ней «распределителей» в ту или иную сторону. Крестьянство, по-видимому, относилось к первой части теоретически дифференцированной автором структуры советского общества, хотя и его положение изменялось в связи с той же, что и для интеллигенции, зависимостью. Таким образом, логика рассуждений исследователей этого периода наводит нас на мысль о «немаргинальности», по сути, только одной группы – «распределителей».

Процессы маргинализации большого числа советских граждан Е.Н. Стариков связывает с инвертированной моделью советского общества, где процессы деклассирования начинаются с верхнего «социально-психологического этапа «распределителей» и являют собой болезнь роста социального организма».

Возможно, излишне политизированное и драматизированное восприятие рассматриваемого периода исследователями маргиналистики в самом деле дает повод для осмысления проблемы маргинальности в очень широком контексте, в ее соотношении со спецификой политических режимов того или иного государства. В то же самое время это обстоятельство представляется безусловно важным в познании сущности данного феномена, в том числе для понимания как причинного комплекса его функционирования, так и других связанных с ним явлений, например преступности.

Распад Советского Союза, глобальные изменения и неопределенность социальной структуры российского общества, начавшиеся в 90-х гг., значительным образом повлияли на возрастание научно-теоретического и практического интереса у российских ученых к изучению проблем маргинальности и ее каузальности. По мнению Н.И. Лапина, названные причины послужили поводом для массовой десоциализации, потери ценностных ориентаций и неопределенности социального статуса значительного числа российских граждан [6].

С другой стороны, исследуя реакцию государства на происхождение углубления процессов маргинализации, Т.Х. Керимов отмечает, что «маргинальность» является понятием, служащим для «оправдания репрессий в отношении специальной части людей, не соответствующих принятым в обществе нормам и ценностям» [7].

Значительная часть исследований искомого феномена того периода относится к социологическим направлениям и анализируется, в том числе, в диссертационных работах в аспекте изучения социальной структуры общества и специфических характеристик этого явления (С.Ф. Краснодемская, В.М. Прол, З.Х. Галиулина). Получает начало исследование и культурологического аспекта маргинальности (И.И. Дмитрова, И.В. Митина, Н.О. Навджавонов и др.).

Так, например, Н.О. Навджавонов исследует этот феномен в формате различных аспектов «социального» определения человека как «трансисторического субъекта, формирующегося в связи с персонификацией общественных отношений определенной эпохи». При этом автор отмечает различную векторность развития свойств и качеств маргинальности у субъектов, в том числе и позитивную, представляющую возможность образования и формирования новых структур, состоящих из активных агентов нововведений в различных областях общественной жизни [8].

Многоаспектность и многовекторность исследований этого периода способствует «выведению» понятия «маргинальность» (как объекта гуманитарного знания) за рамки отдельно взятой дисциплины – социологии, в связи с чем российский социолог и философ А.И. Атоян предлагает выделить комплекс знаний о маргинальности в отдельную область исследований – социальную маргиналистику. При этом автор обосновывает свою идею необходимостью установления и разработки путей «демаргинализации» как «совокупности восстановительных тенденций и мер

по отношению ко всем видам социальных связей» [9], в которых присутствуют и маргинальные группы.

Достаточно интересная, на наш взгляд, идея А.И. Атояна относительно выделения самостоятельной области знаний – маргиналистики – позднее была поддержана исследователями как социологических, так и философских направлений. Коллектив авторской комплексной монографии «Маргинальность в современной России» (Е.С. Балабанова, М.Г. Бурлацкая, А.Н. Демин и др., 2000) использует и поддерживает применение этого термина. Е.Ю. Матвеева в 2006 г. обосновывает необходимость его введения в качестве обозначения уже не только социальной, но и междисциплинарной области познаний. Такая позиция российских ученых, на наш взгляд, объясняется многократно возросшим интересом к новейшим теоретическим концепциям по изучению этого сложного явления, а также обоснованностью и удобством употребления данного обобщающего термина, объясняющего и способствующего познанию различных сторон взаимодействия и взаимосвязей маргинальности и социума.

Новейший этап рассмотрения феномена маргинальности в России отмечается увеличением массива комплексных исследований в этой сфере. Отдельного внимания заслуживает, как уже отмечалось, монографическое социологическое исследование ученых Высшей школы экономики «Маргинальность в современной России» (2000 г.), в котором концептуально рассматриваются процессы эволюции понятия «маргинальность» в истории, социологии и других науках, исследуются дискуссионные вопросы трактовки данной категории; анализируется многообразие подходов к пониманию таких понятий, как маргинальная ситуация, маргинальный статус и т.д.; проводится анализ эмпирических данных по группам маргинальных индивидов; предлагаются разнообразные экспертные оценки маргинальных ситуаций в контексте превенции негативных проявлений, обусловливаемых деструктивными свойствами маргинальности, и многое другое.

Кроме того, исследования государственного университета «Высшая школа экономики» апробируются в учебном процессе посредством чтения учебного курса по дисциплине «Социология социальной маргинальности», положительный опыт которого используется при ведении аналогичного учебного курса в Приволжском федеральном университете и других вузах России. Со временем диапазон изучения феномена маргинальности, оставаясь традиционно философским и социологическим, расширяется за счет работ, непосредственно и опосредованно исследующих маргинальность в других сферах отечественной науки: в области психологии (Е.В. Змановская, В.Д. Менделевич и др.); девиантологии (Я.И. Гилинский, Е.И. Манапова, Н.И. Протасова и др.); аддиктологии (Г.В. Старшенбаум); социальной медицины (Е.В. Чернозитов, А.Р. Решетников, А.А. Гольденберг и др.); социальной психологии (Ю.А. Клейберг, О.И. Ефимов, Ю.А. Кокорева и др.); социологии экономики (Н.Е. Тихонова, З.Т. Голенкова и др.); социологии права (В.Ю. Бельский, А.И. Кравченко, С.И. Курганов и др.); социологии и философии права (В.А. Бачинин, Ю.Г. Волков, О.В.

Степанов и др.); теории государства и права (А.А. Никитин; А.В. Нечаева); криминологии (А.И. Долгова, С.Я. Лебедев, М.А. Кочубей и др.) и в иных отраслях гуманитарных и естественнонаучных знаний.

Юридические исследования рассматривают правовые аспекты маргинальности (А.А. Никитин, Саратов, 2006; О.В. Нечаева, Н.Новгород, 2006). Криминологическое направление представлено такими работами, как: «Предупреждение преступности в маргинальной среде молодежи» (Е.В. Садков, Москва, 1994), «Криминологические особенности антиобщественного поведения подростков в маргинальной среде и предупреждение совершаемых ими преступлений» (А.Ю. Голодняк, Москва, 2003), «Предупреждение преступлений, совершаемых лицами, ведущими маргинальный образ жизни» (Р.Ф. Степаненко, Казань, 2005).

В связи с разнообразием направлений и обширной географией российских исследований в этой области хотелось бы отметить несомненное значение для становления и осмысления отечественной теории маргинальности работ ученых Приволжского федерального университета, в частности философских обоснований теоретической концепции отчуждения как фундаментального учения, лежащего в основе понимания и формирования «теории маргинальности» (О.Г. Иванова, Г.К. Гизатова, А.Б. Лебедев, М.Б. Садыков, Э.А. Тайсина, М.Д. Щелкунов и др.) [10].

Следует отметить и социологическое направление, рассматривающее в учебном процессе на факультете социологии Приволжского федерального университета маргинальность как социальный феномен и исследующее его структурные характеристики (З.Х. Галимуллина, Л.Р. Низамова, И.Г. Ясавиев и др.).

С 2000-х гг. свое развитие при поддержке и содействии ученых юридического факультета КФУ получает криминологическое направление, изучающее феномен маргинальности в контексте закономерностей, особенностей и причинности маргинальной преступности, где рассматриваются: понятие маргинальной преступности как совокупности преступлений, совершаемых лицами из социально-неблагополучных и социально-незащищенных групп населения, негативные тенденции роста этого самостоятельного вида преступности; социально-психологические и демографические особенности субъектов совершения преступлений такого рода и др.

Как отмечалось, с конца 80-х гг. в концепциях маргинальности (Е.Стариков, Б.Шапталов и др.) доминирует политическая составляющая. С 90-х гг. отмечается рост работ философской и социально-философской направленности, авторы которых (А.И. Атоян, В.А. Шапинский, Н.А. Фролова, И.П. Попова и др.) используют в своих исследованиях совокупность философско-культурологического, социально-философского, социально-психологического и других подходов. Центральным в смысловом определении понятия «маргинальность» становится «классический» образ «отчужденности», «пограничности», «переходности» и «промежуточности», что, собственно, и характеризует российскую социальную структуру начиная

с 90-х гг. XX века. Безусловно, современные российские исследования «маргинальности» вносят свой вклад в герменевтику этого понятия, значительно расширяя его понимание.

В то же время его семантическое значение не претерпевает существенно-значимых изменений, а лишь дополняется новыми характеристиками и теоретическими надстройками.

В этом смысле будет справедливым заметить, что «проблемное пространство», при анализе которого центральным понятием является «маргинальность», очень широко. В связи с чем не удивительно, что в многочисленных работах по данной тематике достаточно четко не обозначен универсальный критерий, приемлемый для объяснения и дальнейшей классификации как самого исходного феномена, так и сходных по смыслу явлений. Этот термин интерпретируется в формате направлений исследования, и в некоторых случаях его содержание раскрывается в зависимости от профессиональной заинтересованности и личной эмпатии авторов. С другой стороны, возможность поиска и вероятность нахождения такого критерия как раз-таки обогащают эвристический потенциал маргиналистики и способствуют концептуализации изучаемых проблем маргинальности, которые становятся еще более привлекательными для научно-теоретического и практического их осмысления.

Литература:

1. Социология: Словарь-справочник / Отв. ред. Г.В. Осипов. - М., 1991. - Т. 3. - С. 94-95.
2. Темкин М.В. Линейные руководители в традиционной системе управления (к вопросу о статусной маргинальности) // Вестник Харьковского университета № 342. - Харьков, 1988. - С. 40-45.
3. Стариков Е.А. Маргиналы, или размышления на старую тему: «Что с нами происходит?» // Знамя. - 1989. - № 10. - С. 135; Стариков Е.Н. Маргиналы и маргинальность в советском обществе // Рабочий класс и современный мир. - 1989. - № 4 (112). - С. 143.
4. Шапталов Б.Н. Маргиналы и социализм // Рабочий класс и современный мир. - 1990. - № 6. - С. 168.
5. Стариков Е.Н. Новые элементы социальной структуры // Коммунист. - 1990. - № 5 (1357). - С. 30-31.
6. Лапин Н.И. Тяжкие годы России // Мир России. - 1992. - № 1. - С. 21.
7. Керимов Т.Х. Современный философский словарь. Лондон – Париж – Москва – Минск. - Изд-во «Прант-Принт», 1998. - С. 468.
8. Навджавонов Н.О. Проблемы маргинальной личности: постановка задачи и определение подходов // Социальная философия в конце XX века. Деп. рук. - М., 1991. - С. 149.
9. Атоян А.И. Социальная маргиналистика о предпосылках нового междисциплинарного и культурно-исторического синтеза // Политические исследования. - 1993. - № 6. - С. 29.

10. Философское учение об отчуждении: история и теория: Материалы научно-методич. конф. - Казань: Изд-во КГУ, 1992. - 142 с.

References:

1. Sociology: Glossary and a reference book / Ed. Ed. G.V.Osipov. - Volume 3. - Moscow, 1991. - P. 94-95.
2. Temkin M. Line managers in the traditional management system (to the question of the status marginality) // Bulletin of Kharkov University. - № 342. - Kharkov, 1988. - P. 40-45.
3. Starikov E. Outcasts, or reflections on the old theme: «What's happening to us?» // Znamya. - 1989. - № 10. - P. 135; Starikov E. Outcasts and marginality in Soviet society // The Working class and the modern world. - 1989. - № 4 (112). - P. 143.
4. Chaptalov B.N. Outcasts and socialism // The Working class and the modern world. - 1990. - № 6. - P. 168.
5. Starikov E. New elements in the social structure // Communist. - 1990. - № 5 (1357). - P. 30-31.
6. Lapin N.I. Grievous years of Russia // World of Russia. - 1992. - № 1. - P. 21.
7. Kerimov T.H. Modern philosophical dictionary. London - Paris - Moscow - Minsk. «Prant-Print» Publishing house, 1998. - 468 p.
8. Navdzhavonov N.O. Marginal personality problems: formulation of the problem and statement of approaches // Social philosophy in the end of the twentieth century. - Moscow, 1991. - P. 149.
9. Atoyan A. Social marginalistics on preconditions of a new interdisciplinary and cultural and historical synthesis // Political Studies. - 1993. - № 6. - P. 29.
10. The philosophical doctrine of aloofness from society: history and theory. Reports of scientific conference. - Kazan: Kazan state University Press, 1992. - 142 p.